

Е.Э. Сурова

**«КЛАСТЕРНЫЕ» СООБЩЕСТВА –
НОВАЯ ФОРМА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ**

Помимо выстраивания новых границ и стратегий социального действия в современном социокультурном пространстве формируются новые способы хранения и трансляции опыта, что приводит к существенным трансформациям коллективных взаимодействий.

Передача опыта на различных этапах человеческой истории осуществлялась множественными путями. Но с появлением письма впервые оказалось возможным рассмотреть сохранения информации, которая обрела высокий статус в культуре, определяя структуру знания. Именно с точки зрения сохранения и передачи информации происходило развитие форм письма, которое шло по пути от абстрактного и широко определяемого знака к его фонетической конкретизации, а в дальнейшем унификации, позволяющей моделировать смысл высказываний посредством жесткой грамматической формы. Письменная культура, оптимизированная массовостью книгопечатания, обрела постепенно тотальное значение, а текст начал восприниматься как способ структурированного восприятия реальности, что позволило Ж. Деррида утверждать, что «все есть текст». Но стремление письменной традиции к совершенству постепенно привело к тому, что возникли попытки печатной фиксации иных, фотографических знаков реальности. Затем были сделаны и следующие шаги в воспроизведении аудио и видео изображений. Надо отметить, это приводило, как уже упоминалось выше, к изменению социокультурной ситуации и идентификационных практик индивида при каждой последующей модификации форм фиксации опыта. Но именно в XX столетии под воздействием чувственности аудиовизуальной информации произошел возврат к осознанию значимости опыта переживания, что согласовалось с широким интересом к пространству повседневности. Кроме того, с точки зрения социокультурных процессов особое значе-

ние обрела практика «сопереживания» – знакомство с опытом иных культур и использование чужих элементов обыденной реальности.

Изменение форм фиксации опыта дает возможность максимально полно реализовать творческие интенции как группового, так и индивидуального порядка. Под изменениями подразумевается переход от доминирующей письменной традиции к аудиовизуальным тактикам сохранения и передачи разного рода информации. Такого рода информация начинает восприниматься представителями различных культурных кругов в значительной степени быстрее, а реакция наступает в соответствии с контекстом ситуации, поскольку сообщение несет не столько логический, линейный, сколько многомерно-чувственный потенциал. Тем не менее, сложность в передаче и восприятии / понимании при межкультурных контактах, разумеется, остается.

Возникающие проблемы, в частности, рассматривает М. Маклюэн в книге «Галактика Гуттенберга». Он описывает ситуацию, рождающуюся при просмотре догонами учебного фильма, показываемого местному населению с целью профилактики эпидемии малярии. Дело в том, что в связи с гуманитарной помощью африканский континент покрылся слоем «оберточного» мусора, который населению не приходило в голову утилизировать. Это привело к росту эпидемий, с которыми и боролась санитарная инспекция: «Мы показали этот фильм аудитории и попросили их рассказать, что они видели. К нашему удивлению, они ответили, что видели курицу, тогда как мы даже не подозревали, что в фильме была курица! Мы очень внимательно просмотрели фильм кадр за кадром, и действительно – на секунду или около того в углу кадра мелькнула курица» [1]. В фильме очень медленно человек собирал банки, сминал и протыкал их, но зрители не поняли сути происходящего. Аборигены, посмотрев фильм, отнюдь не поняли его содержания, увидев лишь курицу, промелькнувшую в углу кадра. Данная ситуация позволила М. Маклюэну сделать вывод о том, что обучение кинозрению также требует определенной выработки навыков видения. Такие навыки и для европейцев формировались постепенно, для подтверждения чего можно вспомнить ситуации, возникающие во время просмотров первых кинолент. Так, зрители разбегались от экрана, наблюдая летящий на них поезд, или же, в другом случае, дамы в первых рядах приподнимали подола платьев, когда в кадре на берег набегала волна.

В ходе глобальных процессов и осознания целостности человечества происходит не только декларативное привнесение технических инноваций в традиционные культуры, но и возрастание «обратного интереса» к этно-историческому опыту аборигенных традиций, обладающему для европейцев очарованием чувственности. Можно поэтому рассмотреть и ситуации обучения практикам удовольствия при встрече европейцев с аборигенными

культурами, например, возникающую любовь к экзотическим кулинарным изыскам, предполагающим также определенный способ подачи и потребления пищи, где немаловажными являются, в том числе и позиции коммуницирования. В любом случае культура текста, так или иначе, дополнялась иными способами передачи и фиксации опыта, значение которых существенным образом возросло. Здесь письменный текст постепенно перешел к состоянию «текстовок», дополнений и пояснений для других форм (например, подписи к фотографиям).

Усложнение взаимодействий возникает и в случае внутрикультурной коммуникации, поскольку логико-схематические модели высказываний все чаще используются лишь в качестве «пустых форм», а содержание, смысл сообщения содержится в эмоциональном послыле, возникающем посредством интонации, невербальных знаках и с обращением к контексту. Рождается внутригрупповое «сопереживание», поскольку передаваемый опыт, имеющий высокую степень эмоционального напряжения, рассматривается обоюдно как собственный, что и создает возможность «Мы-идентичности». Такая «разделенность» опыта позволяет продуктивно взаимодействовать вне обстоятельного инструктирования, опираясь по большей части на возникающую внутригрупповую нормативность. В противоположность вербальным практикам активного расширяется область невербальных взаимодействий. Это происходит в связи с тем, что обремененные грамматической формализацией высказывания воспринимаются как формулы. В то же время, как полагал Н. Хомский, «понять можно только неправильно построенную речь», поскольку именно нарушение «грамотного» высказывания фиксирует его смысл. В этом плане происходит бурное развитие разного рода слэнговых позиций, ориентированных также на внутригрупповое сотрудничество и маркирующих представителей тех или иных объединений. Появляются как «реальные», так и виртуальные языковые новообразования. Так, среди сетевых моделей нельзя не упомянуть «язык падонков» или «олбанский». За формальными изменениями происходит и целостная трансформация системы знания, соотносимого с новоевропейским энциклопедизмом, но имеющим некий «зеркальный» смысл. Здесь наравне с сетевой «Википедией» появляется «Абсурдопедия» или иные аналогичные проекты. Происходит и мифологизация основ знания, формируются коннотативно «нагруженные» образные системы и «виртуальная топонимика» «отсылов» / гиперссылок, как, например, в формуле «В Бобруйск – животное!».

В этом плане само общение становится устойчивой и максимально значимой коммуникативной деятельностью. Именно такая деятельность и формирует первичные социальные взаимодействия, приводящие к органи-

зации сообществ, где в каждом индивид исполняет соответствующие типу группы роли. Это роли соответствия внутреннему сюжету узкогрупповой коммуникации, в котором разворачивается мифологема коллективного мировосприятия.

Данное положение дел оказывает существенное влияние на идентификационную позицию индивида, позволяет ему адаптироваться практически в любой, не противоречащей его персональным позициям, культурной среде, изменять отношение к целому ряду ценностных позиций, среди которых наиболее устойчивыми оказываются принципы новизны, свободы и творчества. Целостной тенденцией становится, с одной стороны, формирование большого числа коммуникативных групп, позволяющих индивиду презентовать себя в рамках выработанных универсальных стратегий, но по отношению к различным сюжетам, разыгрываемых в каждом отдельном групповом сценарии. Но, кроме того, мы отчетливо наблюдаем развитие противоположной тенденции – группового обособления (каждое сообщество, не смотря на типическую целостность, претендует на уникальность собственного коммуникативного сценария, разворачивающегося вокруг центральной «темы»), выработки нестандартных и оригинальных решений в силу того, что сама творческая позиция будет претендовать на центрирующую роль для реализации «проекта». Таковой при этом будет предполагать совместную или индивидуальную деятельность (прежде всего, творческую), которая обращена к зрительской аудитории или группе единомышленников.

В данной ситуации проявляются специфические черты новых сообществ, для которых одновременно складываются условия формирования особых «гибких» границ, имеющих тенденцию к непрерывным модификациям в силу способности к самоорганизации при отсутствии пространственно-временных центрирующих координат, а также в связи с объединением в рамках «проекта» [2]. «Проект» в данном случае будет предполагать единство темы / идеи, целостность акции / процесса, направленность деятельности / действия группы. Индивид при включении в такого рода сообщества может сохранять и поддерживать собственную авторитетную ориентированность и формировать множественные границы одновременного присутствия в различных социокультурных группах. Пребывание внутри подобных гибких границ предполагается как свободное и условное, притом, что уровень организации совместной деятельности может быть исключительно высоким. В целом, индивид в рамках данных взаимоотношений осуществляет множество взаимодействий с представителями различных сообществ, причем в каждом случае может как принимать социокультурный порядок оппонента, идентифицируя себя с группой, которую он представляет, так и противопоставлять себя ей. Это не означает, что границы сообществ становятся про-

зрачными и формальными. В ряде случаев мы можем обнаружить существенные трудности при включении в состав тех или иных «закрытых» коллективов и неверно было бы сказать, что неопиту не потребуются осуществлять разного рода символические действия, в том числе достаточно сложные и продолжительные. Тем не менее, процедура вхождения в сообщество определяется группой. Так, ряд сообществ, как актуальных, так и сетевых, имеют статус «закрытой» группы. Для того чтобы вступить в такое объединение необходимо либо должным образом представиться / быть представленным, в некоторых случаях «заработать репутацию», дающую право на участие в мероприятиях / обсуждениях. По крайней мере, такая процедура включения в число «посвященных» основной своей задачей в данном случае предполагает соблюдение внутренней нормативности, с которой неопит должен быть знаком или к восприятию которой готов. Кроме того, «включенность» должна быть заинтересованной, чтобы не допустить уход от основной «темы» и деятельности, а также в некоторых случаях не позволить проникнуть в коллектив «контр-агентам» или же пассивным наблюдателям. В то же время практически не существует контроля над иными, не касающимися деятельности сообщества интересами участников, что предполагает активное участие тех же индивидов в деятельности множества других подобного рода объединений, имеющих различным образом локализованные интересы.

Такая полилокальная организация основывается уже не столько на принципах социализации, сколько предполагает в целях успешного осуществления коммуникативной деятельности использование культурных факторов, позволяющих индивиду обрести опыт идентификации в процессуальном порядке. В этом плане меняются принципы структурирования социокультурного существования, а позиция нормативного центрирования осуществляется в локальных порядках.

Высокая степень самоорганизации современных зачастую кратковременных социокультурных групп определяется специфической структурой, которую различные авторы характеризуют в метафорических именовании, например, как «роевую» (Г. Рейнгольд). Можно вслед за тем же мыслителем назвать такие сообщества «кластерными группами». Как пишет данный автор: «Кластеризация – технология, с помощью которой два или более серверов (узлов) функционируют как один, так что клиентские приложения и пользователи воспринимают их как единую систему» [3]. Теми же принципами, по сути, руководствуются и представители новых объединений. Группа воспринимается целостно, в то время как внутри нее индивид сохраняет предельную свободу, прежде всего, в принадлежности, идентификации себя ее членом, а, кроме того, в совершении коллективной дея-

тельности [4]. Здесь важнейшую роль играет развитие коммуникативных структур, позволяющих минимальным по составу «кластерам» действовать одновременно и самостоятельно, и при необходимости согласованно. При этом единство деятельной модели возникает при принятии «коллективной роли», что ярче всего отражается в формах флэш-моба.

Флэш-моб предполагает создание кратковременных объединений для осуществления конкретных акций. Если в подготовительный период можно выделить различие ролей (модератор, сценаристы, участники), то в момент осуществления акции предполагается исполнение одной роли, объединенной единством действия, места и времени. Сообществ, возникающих вокруг такого рода деятельности, с 2003 г. возникает множество. Происходит это под воздействием книги Г. Рейнгольда «Умная толпа: новая социальная революция». Каждое сообщество вырабатывает собственные правила, размещаемые на страничках Интернета. Отчасти они имеют единую основу («прикол» ради получения удовольствия), но в зависимости от региональных или социокультурных особенностей самой группы, могут обретать и оригинальные черты. Ключевым моментом становится в данных группах выработка сценария, который в идеале должен быть нейтральным по отношению к каким-либо идеям внешнего порядка: религиозным, политическим, экономическим, коммерческим и т.д. Так, одной из первых акций флэш-моба было действие, осуществленное на выставке стиральных машин в Дортмунде в июне 2003 г. Около 300 чел. внезапно наполнили данное пространство, одновременно достали и съели по банану и исчезли. Действие было успешно осуществлено, удовольствие получено, участники при этом сохранили полную анонимность и автономность.

Надо отметить, что кластеризация затрагивает различные актуальные сферы современного функционирования социокультурной реальности. В качестве устойчивых в использовании терминов мы встречаем экономические кластеры, региональные, финансовые, организационные, профессиональные, научные, кластеры застройки, научно-образовательные кластеры и т.д. [5].

Можно констатировать, что приоритетное место в развитии современных социокультурных образований в условиях информационного общества могут занять «кластерные» регионы и внепространственные «кластерные» группы. Такие группы обладают в идентификационном плане «персоналистской» идентификацией, предполагающей порядок «Мы». То есть деятельность индивидов в данных сообществах идентична, порядок ролевой соотносительности (возможно, одной ключевой ролевой позиции) исключительно близок, система норм и предписаний безоговорочно принята, но может при исполнении отдельных актов изменяться. Взаимодействия кла-

стерных объединений обеспечивают включенность отдельных «персоналистских» групп в деятельность более крупных образований (в идеале, человечества) или же приводят к активному сотрудничеству между различными сообществами, и отчетливо определяют границы своего пространства, что позволяет решить непосредственно возникающие проблемы, не допуская их превращения в глобальные и неразрешимые. Прежде всего, это касается так называемых «вызовов» современности, идентификационных конфликтов, в силу того, что именно в них происходит отчетливое различение позиций «образа» и «явления», где зачастую образ Чуждого, накладываемый на возникающую «без-образную» ситуацию при размывании границ «своего», и мешает восприятию явления.

При этом коммуникация «кластеров» предполагает их автономию, с одной стороны, и горизонтальные взаимодействия вне иерархических позиций, с другой. В то же время, внутри сообщества иерархический элемент может содержаться, поскольку выделяются фигуры, которые условно могут быть именуемы «фигурами модераторов», а также «старейшин», представляющих уже сложившийся коллектив «посвященных», являющихся носителями группового «знания».

Кроме того, время от времени могут формироваться и новые зарождающиеся внутри кластера объединения, в дальнейшем либо захватывающие организационные позиции, либо обретающие автономию. Наличие развитых информационных технологий и возможность их использования в приватном пространстве дополняет данную ситуацию вариантами идентификационных позиций, возникающих в ходе активизирующейся личностной коммуникации и появления новых «этикетных» норм. Так, телефонное или интернет-общение удерживает дистанцию реальной встречи, одновременно снимая ряд запретов традиционного порядка. Г. Рейнгольд в книге «Умная толпа: новая социальная революция» приводит в качестве примера подобных изменений коммуникативное взаимодействие, возникающее в молодежной мусульманской среде, где существуют жесткие традиционные запреты на «обычное» общение между юношами и девушками. Новые средства связи одновременно устанавливают границы приватного пространства (персональные средства связи), но в то же время раскрывают их для огромного числа подчас незнакомых людей. Т.е. изменяется сам способ коммуникации, обретающий внепространственную сетевую структуру, поскольку «реальность встречи» осуществляется прежде всего в виртуальной среде. Это еще более усиливает возможности формирования и функционирования кластерных групп, которым чужд принцип тотальной включенности в мировую коммуникативную систему. Их взаимодействие с другими аналогичными сообществами осуществляется в персональном режиме.

Существование кластерных сообществ предполагает связанность социокультурного пространства как единого сетевого, но не тотального образования. Оно формируется со множественными «узловыми» как групповыми, так и частными пересечениями в межкластерном взаимодействии. И в этом смысле мы можем говорить о формирующихся для индивидов поведенческих моделях, носящих ситуативный характер, зависящий от «узлового» стереотипа, формирующегося центральной «темой», а также «сетевой» или «сериальной» ценностной ориентированности. То есть первостепенным значением скорее начинает обладать сама единая оптимально гибкая структура индивидуальных взаимодействий, а не конкретная группа, в которой участник только лишь себя «проявляет». Хотя здесь надо оговориться, что на любом «ключевом» этапе конкретные групповые позиции могут иметь приоритетное положение.

Также для кластерных групп характерна и постоянная ситуация внутренней динамики, поскольку границы узкогрупповой приватной организации имеют различные перспективы. С одной стороны, это внешние открытые позиции, позволяющие осуществлять межгрупповые взаимосвязи. С другой стороны, это сакрализованное внутреннее пространство. И, кроме того, предполагаемая подвижность личностных ориентаций, формирующая многоплановость частных границ. Как отмечалось выше, один и тот же индивид может одновременно или последовательно входить в данные общественные круги, не прерывая множественные социокультурные взаимосвязи иных порядков. Таким образом, мы можем констатировать, что структура границ данных новых образований в целом является достаточно «гибкой» и прозрачной и ориентирована на осуществление, прежде всего, коммуникативной деятельности, организованной вокруг «мифологизированного ядра».

Социальные группы данного порядка, прежде всего, выстраивают горизонтальные связи как внешней, так и внутренней коммуникации. Но при этом кластерная система отчасти может допускать и вертикальные порядки внутренней регламентации деятельности, наблюдаемой чаще всего, как мы уже упоминали, в фигуре модератора, а также «старых» по времени вхождения в коллектив участников, или же наиболее активных деятелей. Структура данных групп позволяет изменять характер иерархических связей, допустимый внутри сообщества «избранных». Такую модель социальной организации впервые описывает Ж. Батай.

Данный автор в 30-е гг. XX в. предлагает к рассмотрению в «Коллеже социологии» свою идею о новых сообществах «избранных». Исторически это могли быть тайные религиозные сообщества. В современном ему мире философ противопоставлял: «1. Фактические сообщества: клан, фратрия, племя,

нация, цивилизация, человечество. 2. Сообщества избранных...: армия, простые организации, администрации, производственные коллективы» [6].

Выделение сообществ «избранных» было достаточно интересным, поскольку обращалось к формированию именно той формы общественной организации, которая могла бы рассматриваться как отчасти соответствующая персоналистскому обществу: небольшая по размеру, связанная деятельностью, представляющая союз равных (несмотря на иерархичность структуры, потенциально допускающей «рост» для каждого индивида) и т.п. Но Ж. Батай, помимо того, стремится выделить определенные основания организации сообщества вокруг некоего центра. Он пишет: «То, что составляет индивидуальное ядро всякого сгруппированного человеческого сообщества, оказывается в первоначальных условиях ни персональной, ни локальной реальностью. И природа этой реальности была, очевидно, подвержена глубоким изменениям благодаря существованию самого общества» [7]. Подобное ядро, как идея, сакрально, но при этом является внешним по отношению к индивидам, сложным, поскольку отнюдь не составляет «простую сумму личностей», оно представляет собой «объект фундаментального отвращения», поэтому табуировано, и связывает первичную группу общим ужасом. Это ядро одновременно устанавливает разнонаправленные движения, формирующие различные явления и процессы культуры, включая отвращение и влечение, которые первоначально и организуют сообщество, а в дальнейшем проявляются в межличностных отношениях, образуя области повседневного сакрального опыта или стыда. Даже если речь идет о внешних сакральных факторах, имеющих высокое эстетизированное значение, таких, как центрирующая то или иное поселение церковь, то и здесь, в этом центре, верующий, прежде всего, переживает свою виновность / греховность. Другим ярким примером «вытесненного» общественным сознанием «непристойного» является армия, закамуфлированная яркостью формы и ритуалов, но по существу содержащая в себе отвратительные образы жертвы и палача в разыгрываемой социокультурной трагедии.

Обращаясь в дальнейшем к теории религии, Ж. Батай приближается к разгадке тайн «мифологизированных» тоталитарных сообществ. Индивид, формирующийся согласно персоналистской идентификационной модели, оказывается захвачен духом коллективной «веры». Причем «вера» в данном случае обращается к позиции «Мы», где место «большого Другого» десакрализовано. Сакральное не предполагает столь жесткой связанности восприятия, как профанное: человеку и не положено осознавать смысл внеположенного. Миф обретает светскость за счет рационализации, логического объяснения событий запредельного: «Разум, по существу, представляет собой универсальное олицетворение вещи (тождественной самой себе) и дееспособности» [8].

способности (способности воздействовать на что-либо). Разум вкупе с моралью, фактически исходящие из необходимости поддерживать реальный миропорядок и обеспечивать его дееспособность, выступают в согласии с действием божеских сил, оказывающих свое благосклонное покровительство данному миропорядку. Они наделяют божество способностью действовать рационально, исходя из моральных соображений, в той же степени, в какой мораль и разум сами причисляются к миру божескому» [8]. Логизируя события мифа, соразмеряя его с событийностью собственного социокультурного пространства, тем более рассматриваемого как «сообщество избранных», личность воплощает идею целостного присутствия. По сути дела, осуществляется идея персоналистской революции, предполагающей «выход за пределы себя». Такую задачу ставил перед собой и сам Ж. Батай: «Основной творческой задачей писателя был поиск возможности достичь позиции «философавне-себя» [9]. Он также стремился к осуществлению акта «расколдовывания-заколдовывания» мира, создавая особую мифологию, в частности, в своем произведении «Солнечный анус»: «Под его пером возникает новый миф (антимиф), в котором человек возносится до божественной суверенности, когда его не ограничивают никакие установления – будь то установления мифологические, онтологические или лингвистические» [10]. В практике повседневности он также пытается реализовать собственный проект сообщества «избранных», формируя группу «Ацефал», объединенной вокруг идеи осуществления ритуала жертвоприношения. Но это не найдет достаточной поддержки у единомышленников (Р. Кайуа, М. Лейриса, Рене М. Гуасталла, А. Левицкого, Г. Майера, Ж. Полана и др.), поскольку, как вспоминают участники группы, претенденты на то, чтобы быть жертвой, существовали, но никто не желал выполнять обязанности палача.

Позиция Ж. Батая излишне радикальна. Серьезность архаического ритуала определяется жесткостью идентификационных границ сообщества при почти отсутствующей индивидуальной самости. В современной культуре мы обнаруживаем радикально иное состояние, когда суровость обрядовой деятельности чаще замещается легкостью игровой стратегии, что и определяет возможность осуществления множественной идентификации для индивида [11]. Но для каждого кластерного сообщества разворачивается собственная мифологема, формирующая идеологическую целостность деятельности объединения.

Несколько модифицируя характеристику кластерных сообществ, данную Г. Рейнгольдом, мы можем отметить, что связанность кластерных групп и характер их функционирования определяется:

— единством мифологемы, порождающей начальный свод положений и норм, определяющий характер деятельности сообщества;

— единством идеи (политической, досуговой, экономической, профессиональной, маргинальной и т.д.), что предполагает «темематизацию», «сценарий деятельности» и т.д.;

— сотрудничеством по вопросам реализации «идеи общественного блага» с возможностью создавать и изменять общегрупповые правила, осуществляемое «совещательно», в порядке рейтингового отбора;

— открытостью частных позиций для осуществления внутригруппового контроля, в том числе по вопросам потребления результатов реализации «идеи общественного блага» (справедливое сообразно правилам распределение), но с учетом сложившейся системы нормативно-этикетных порядков;

— «причастностью к совместно проживаемой жизни» при формировании общего имиджа и иерархической системы репутации;

— реализацией идеи надзора в рамках допустимых «наказаний»;

— недоверием полномочиям традиционных властных структур.

Таким образом, можно отметить, что кластерные сообщества имеют тенденцию к все большему влиянию в полилокальном социокультурном пространстве, поскольку позволяют индивиду успешно осуществлять коммуникативно-идентификационную деятельность. Именно внутри такого рода организаций раскрывается свободное личное пространство коммуникации, успешно реализуются творческие проекты, вырабатываются навыки солидарности и осуществления трудно контролируемых социальных действий. В связи с принципами организации и новыми средствами коммуникации меняется пространственно-временная структура, поскольку, «находясь на связи», с телефоном в руках или в режиме онлайн, индивид всегда и везде доступен для осуществления коммуникативных практик. Коллективные решения принимаются «на месте», оперативно, а также легко могут быть изменены под воздействием как внешних, так и внутренних обстоятельств. Приоритетными целевыми позициями в кластерных группах являются: осуществление сотрудничества, реализация проекта, отстаивание идеи «общественного блага», а также формирование презентативной позиции индивида, включающей формирование во внешнем порядке имиджа, а во внутреннем — репутации. Все эти моменты способствуют эффективности совместной деятельности, поскольку участники обладают целостной заинтересованностью во взаимодействии, имеющей в некотором смысле «агональную» направленность. Так «реконструктор» в формировании своего образа и осуществлении определенного действия, например, роли участника великого сражения, как бы «приобщается к славе», сопереживает исторической трагедии и очищается от рутинных проблем.

Г. Рейнгольд, изучая особенности функционирования комьюнити-групп, отмечал, что, не смотря на сравнительно низкий процент активных

«деятелей» в сетевых сообществах, большое число участников проявляют себя в деятельности, имеющей альтруистические позиции. Кроме того, для них существует тенденция «объединения ресурсов» для осуществления различных общественных программ, направленных на решение каких-либо научно-исследовательских задач (в фундаментальной науке, космических исследованиях, изучении климатических изменений, медицинских разработках, экономических прогнозах и т.д.), культурных проектов и т.д. В целом, данный автор отмечал, что речь идет о деятельности «умной толпы», которая модифицирует порядки взаимодействия в режиме реального времени, осуществляет социальные ритуалы согласно распределению стереотипных ролей, предполагает систему «доверия», опираясь на порядки репутаций. Кроме того, Рейнгольд отмечает, что в ряде случаев для современных коллективных взаимодействий характерно «эмерджентное поведение», «свойственное популяции в целом, но отсутствующее у ее особей»: «К каждому креслу в зале прикрепили пластинку, покрытую с обеих сторон блестящим материалом красного и зеленого цвета. На большом экране давалось изображение всего зала. Ведущий занятие знаток компьютерной графики Лорен Карпентер попросил сидящих в зале слева поднять пластинки одного цвета, а справа – другого цвета. Затем, следуя указаниям Карпентера, слушатели включились в огромную самоорганизующуюся видеоигру Pong, создав в самом конце кружащийся по экрану самолет. После дачи Карпентером вводных указаний управление отсутствовало. Сидящие в зале следили за действиями соседей и происходящим на экране...

Здесь наблюдается еще не изученная синхронизация мыслительных процессов участников» [12].

Такого рода взаимодействия все более проявляются в социокультурной реальности, чему способствуют опять-таки современные средства связи, в перспективе стремящиеся «срастись» с телом человека, превратившись в нательные компьютеры. В этом помимо положительных моментов роста творческой или, точнее, креативной (изменяющей ближайший порядок) деятельности Г. Рейнгольд видит и ряд угроз, среди которых наиболее существенной ему видится «угроза человеческому достоинству». Кроме того, при дальнейшем развитии намеченных тенденций возникает угроза свободе, в связи с системами слежения и контроля, угроза качеству жизни в связи с ростом информационной нагруженности и другие. Так, персонализация идентификационных практик, направленная на обоюдность переживания, может привести и к серьезным личностным проблемам, вызывающим «потерю» идентичности.

Изменяющаяся под воздействием кластерной организации социокультурная среда предполагает постепенную трансформацию структуры вла-

сти. Оптимальной моделью, на которую указывает как Г. Рейнгольд, так и другие авторы, является адхократия, предполагающая ситуативную организационную среду с формирующимися в ней «рабочими группами» или кластерами, ориентированными на выполнение конкретных задач, что определяет ограниченный срок их функционирования. Такая система оптимально должна согласовываться с принципами коммуникативного действия, разрабатываемыми в теоретических разработках Ю. Хабермаса. Коммуникативное действие полагается им как организованное в соответствии с актуальной нормативности, вырабатываемой в рамках равноправного сотрудничества в реализации осуществляемого проекта. Примером такого рода деятельности в интернет-среде могут быть пиринговые сети.

Примечания

1. Мак-Люэн М. Галактика Гутенберга. Киев, 2003. С.55.
2. Коллективная идентичность кластерного порядка может рассматриваться с точки зрения творческой, профессиональной и т.д. составляющей. Кроме того, здесь может иметь место и особый элемент «этнической идентичности», но сама эта позиция зачастую имеет виртуальный характер, когда появляются псевдоэтнические сообщества эльфов, хоббитов и т.д. Не смотря на снижение значимости национальной идентичности для европейской и близким к ней традициям, все же она продолжает оказывать влияние на формирование идентификационной модели индивида, оставаясь преемницей новоевропейской ситуации. Но и здесь постепенно происходят изменения, для которых можно выявить отчетливо по крайней мере два направления: «к этническим истокам» («игровики») и «к будущему» («киборги»).
3. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М., 2006. С.122.
4. Разумеется, речь идет об идеальной модели, что в действительности может быть существенным образом изменено. Или, правильнее, о тенденции в современной организационной практике, для которой, в предельном варианте, кластер или узел будет представлен отдельным человеком, «завязывающим» на себе «сетевые» взаимодействия. Но ярким существующим примером организации данного порядка может выступать сообщество «флэш-моб».
5. Привлекает внимание ряд проектов, как зарубежных так и отечественных, обращаясь к разработке кластерных моделей. Среди них можно указать, например, на «Проект создания международного финансового кластера «Кремлин Сити»». Транснациональная экономическая практика стимулирует формирование экономических, финансовых и т.д. проектов, «тематизированных» в решении какой-либо проблемы. Как указано на сайте: «В данном случае под Международным Финансовым Кластером (МФК) «Кремлин-Сити» предлагается понимать ограниченную территорию 357-361 кварталов Болотного Острова с элементами производственной, технологической, инженерной, транспортной и рекреационной инфраструктур, на которой

сосредоточены специализированные финансовые, научные, консалтинговые и другие профильные институты, оперирующие потоками трансграничного капитала в едином правовом поле особой территориальной юрисдикции» (http://www.krt.ru/html/prog_kremlin_sity.html дата обращения 25.01.10). В принципе, в связи с процессами глокализации, все более значимыми являются региональные ситуации, а также возникающие и здесь кластерные ситуации. Региональные кластеры развиваются в разных регионах мира различным образом, но предполагают содействие таких структур как образовательные центры, научно-исследовательские институты, производственную базу и инфраструктуру. Решая ключевую проблему, организующую деятельность данных кластеров, подобные региональные зоны оказываются в достаточной мере эффективны. Специализации кластеров могут быть устойчивыми, но могут и изменяться, степень взаимодействия с государственными структурами оказывается достаточно различной. Так, если в Японии правительство активно способствовало развитию кластерных регионов, то в Германии они появились «естественным» путем в силу сложившихся социо-исторических условий.

6. Сакральная социология и отношения между «обществом», «организмом» и «существом». Текст Жоржа Батая // Коллеж Социологии. СПб., 2004. С.44. Надо отметить, что близкие идеи в тот же период времени высказывал Ж. Дюмезиль.

7. Батай Ж. Влечение и отвращение. I. Тропизмы, сексуальность, смех и слезы // Коллеж социологии. СПб., 2004. С.90.

8. Батай Ж. Теория религии. Мн., 2000. С.72.

9. Фокин С.Л. Философ-вне-себя. Жорж Батай. СПб., 2002. С.18.

10. Там же, с.55.

11. Это, правда, не исключает возможности для индивида «заиграться», т.е. реконструировать жесткие границы, реализовав «новоархаический проект».

12. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М., 2006. С.250.